

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 13

1989

Натан ЗЛОТНИКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВОЛЬНЫЕ СТРАНСТВИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Издается с января 1925 года

Натан ЗЛОТНИКОВ

ВОЛЬНЫЕ СТРАНСТВИЯ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Натан ЗЛОТНИКОВ

Натан Маркович Злотников родился в 1934 году в Киеве. Вырос на Урале, в Воткинске, куда в начале войны эвакуировался завод «Арсенал», на котором работали родители.

После окончания техникума Н. Злотников был технологом в литейных цехах на заводах Одессы и Киева. Защитил диплом на вечернем отделении мехфака политехнического института. Три года прослужил в Заполярье, командовал расчетом зенитного орудия.

С 1963 года живет в Москве. Автор книг «Единственный дом», «Ночные стрельбы», «Забытая музыка», «Весы справедливости», «Запоздалая благодарность», «Наивный охотник», «Лицо друга» и др. Составитель многих поэтических антологий, в том числе «Избранного» журнала «Юность». Стихи переводились на языки народов нашей страны и за рубежом.

Заслуженный работник культуры РСФСР. В 1986 году награжден орденом Почета. «Вольные странствия» — сборник, где собраны стихи разных лет.

* * *

Я уже не верю, нет,
Что забудется былое,
С добрым не пытаюсь злое
Примирить — себе во вред.

Не хочу у райских врат
Приглашающего жеста,
Знаю, что достанет места
Мне в краю моих утрат.

Эта жизнь, хоть и мала,
Но за то, чтоб быть со мною,
Дорогой берет ценою,
И уж многое взяла.

САНДАЛИ

В полутемном и гулком подъезде
Он взбегал, не касаясь перил,
По ступеням покатым к невесте,
Много слов в полутьме говорил.

На заветном окошке сидели,
Свесив ноги, как будто с крыльца.
Им осталось не больше недели,
Им казалось: не будет конца.

Тихо в доме большом. Редко-редко
Лифт тяжелый гудел за спиной,
Это верхней квартиры соседка
Возвращалась со смены ночной.

Звезды лета светили им в очи,
Дождь кропил, луж мерцала слюда.
Ночи все становились короче,
Стало сладко не ведать стыда.

И однажды слетели сандали
С легких ног ее, охнув внизу,
Словно птицы, что вдруг увидали
С высоты мимолетной грозу.

Но нисколько о них не жалея,
Под широким его пиджаком
Прощалась, еще став милее,
Побежала домой босиком.

Через день он ушел в ополчение,
И ушла рыть окопы она.
Но внезапной разлуки мученье
Было горше для них, чем война.

Может, каждый из них не заметил,
Как исчез он в пожаре густом.
Только нет уж давно их на свете.
К счастью, оба не знают о том.

СНЕГ В КЛИНУ

Какая музыка была...

А. Межиров

В каком это году? Быть может, в сорок третьем
Я чистый этот снег услышал или встретил.

Не из последних сил, и все же на пределе
Звучал он или жил в ослабшем детском теле.

В годину грозных бед, утрат и дистрофии
Звучал весь белый свет так празднично впервые.

Вблизи дымящих труб, среди лесов Урала
Впервые жизнь моя от счастья замирала.

Был холод новизны острей, чем зимний холод.
Кружился снег, и сны одолевали голод.

Встала женщина в лодке,— ее я не сразу заметил,—
И не то чтоб махнула, но вся потянулась вослед.
Этот жест ее слабый был так безмятежен и светел,
Свежей жизнью подсказан
и нежностью ранней согрет.

Обернулся один, тот, что первым скакал на каурой.
Озорно хохотнул он из дальнего из далека,
Бросил взгляд свой на лодку
с неподвижною
женской фигурой,
Над которой ладонью еще помавала рука.

Обернулся второй,—
он был первого ближе,— на пегой,
Посмотрел на нее долгим взглядом,
вздыхнул невзначай,
И лицо у него в тот же миг затуманилось негой,
И в глазах у него
в тот же миг проступила печаль.

Только не обернулся лишь тот,
кто всех ближе был,
третий.
Мчал, склонясь к черной гриве,
словно ветер его уносил.
Может быть, он однажды уже эту женщину встретил,
А увидеть еще раз ее больше не было сил.

Вот они проскакали, пропали из виду... А вскоре
И она позабыла, кому быть хотела женой.
Но однажды столкнет она лодку с песка,
вспомнит в море,
Кто там был на каурой, на пегой и на вороной.

ЧИТАЯ ИСТОРИЮ ЗАВОДА

Как ты, летописец завода,
Прилежных исполненный сил,
Четыре военные года
В полсотни страниц уместил?
Такие сверкали зарницы
Над каждой душою в те дни,

Что бедные эти страницы
Дороже внезапной родни.

Как будто бы ветер жестокий
Ударит в колокола,
И мы обнаружим истоки
Судьбы, что нас вместе свела.

Кто знает, зимуют там раки?
Туда ль пресловутый Макар
Телят не гонял?.. Там бараки
И тесные лежбища нар.

Во мгле там от вздоха иль стона
Чуть вздрагивает каганец,
Там пушки во рвах полигона
Мытарствам пророчат конец.

А я здесь, в тепле и в уюте,
Про подвиги да ордена
Читаю, забыв о минуте,
Где жребии мечет война...

Вот фото победного часа
Над старой уральской горой.
Из нашего первого класса
Остался в ней каждый второй.

ТУВА

О нет, не охотник я в этой долине,
Где зверь дорогой ночевал и дневал,
Где выстрела не было и в помине,—
Лишь ухали грозы, пройдя перевал.

И я повернул в те края, где охота
Хмельная гуляет, творит чудеса,
Пьет свежую кровь, пьет гнильцу из болота
И дробью дырявит насквозь небеса.

Не сердце в плечо ударяло — отдача
Приклада, и в дымном варилась котле
Похлебка, а выше кружила удача,
Как баба-яга на потаной метле.

Так добрая новость сменяет дурную,
А я привыкаю то к этой, то к той,
И даже влюбляюсь в них, даже ревную
То к правде святой, то к затее пустой.

ВОЛЬНЫЕ СТРАНСТВИЯ. 1946

Сквозь пристальный ветер смотрел я без слез,
А может, их не замечал,
То еле тащился вагон, как обоз,
То с бешеной скоростью мчал.

Кого догонял, от кого удирал
И ночи и дни напролет?
С Урала до Волги, и вновь на Урал
Летал мой ковер-самолет.

Везло или так уж удал был и мал,
Иль сбился у черта прицел?
На крышах и в угольных ящиках спал,
Висел на подножках — а цел.

Разъезды и станции знал назубок,
Там рельсы и провода
Сходились и в тесный сплетались клубок,
Светясь, как ночная вода.

Мазутом и шлаком, угарным дымком
Весь путь был пронизан насквозь,
Где жил я, еще не грустя ни о ком,
Еще не хозяин, не гость.

И что ж? Вольных странствий погасла звезда,
Быть может, чтоб рухнула связь
С тем миром, где шумно снуют поезда,
За рельсы трусливо держась.

ПРОХОДНОЙ ДВОР

Молодым ходил вразвалку,
Длинным проходил двором,
Через садик, через свалку,
Через... Помяну добром.

Ночью или спозаранку,
Столько раз, что и не счесть,
Видел быт, — но не изнанку,
А лицо его как есть.
Может, было больше соли
В скромной жизни напоказ,
И раздумий, и застолий,
И радушья, и проказ?
Может, времена другие?
Но прошли давным-давно,
И дремала ностальгия
Под раскаты домино.
Средь людей, хлебнувших лиха,
Средь обид их и потерь
Жить по-стариковски тихо
Ей хотелось. А теперь...
А теперь тяжелый случай —
Юной сделалась, шальной,
Хуже девки приставучей
Вечно шляется за мной.

РАЗВЕДЧИК

1

Разведчик старшине вручает все, что
Определяет имя и лицо —
Награды, фото, партбилет... И почта
Последнее уносит письмецо.

Такого нет на свете и в помине,
Пред ним — лишь цель, пред ней — земля ничья,
В лесу он станет лесом, а в пустыне —
Пустынею, в ручье — водой ручья.

Пройдет и проползет, назло заслонам,
Морозом или зноем опален,
Невидимо сливаясь с общим фоном,
Чтоб то свершить, что может только он.

Так и поэт.

2

Кто был в деле без отсрочки,
Не полезет на рожон,

Пусть везуч, рожден в сорочке —
Смертью все же обожжен.

Долгий путь его нехожен,
На иные не похож,
В темноте надежных ножен
Чутко спит холодный нож.

Одинок он, многоликий,
Не приемлющий вранья,
На случайном зыбком стыке
Жизни и небытия.

Знает он: не умирая
Дни и ночи напролет,
На родном переднем крае
Его имя его ждет.

ПЕСНЯ

А. А.

Вот, милая, мои кружатся реки,
Коснутся сердца, убегут навеки.
Сольется с морем этих рек вода.
Состарюсь я — ты будешь молода.

Вот, милая, мои летают птицы —
Соловушки, лебедушки, орлицы.
Не птицы это — быстрые года.
Состарюсь я — ты будешь молода.

Вот, милая, леса мои и травы.
Им памятен я — нету большей славы.
Они тебя укроют в холода.
Состарюсь я — ты будешь молода.

Вот, милая, дорога пред тобою —
В один конец — ее зовут судьбою.
Над ней еще сверкнет моя звезда.
Состарюсь я — ты будешь молода.

Вот, милая, любовь, подобна чуду.
Я знал ее, и я ее забуду.
Но ты не позабудешь никогда!
Состарюсь я — ты будешь молода.

ЯРМАРКА

Я знаю хулу и восторги,
Что взвешивают на весах.
Быть может, свершаются торги,
Как браки, на небесах?

И может, степенной беседе
Не зря отдал место навес,
Где тесно от праздничной снеди,
Осенних цветов и невест,

Когда, не торговец, не сводня,
Под говор чужих городов
Я с раннего утра сегодня
Хожу и хожу вдоль рядов.

Знать, по сердцу яркие краски
И запахов пестрый букет,
И древних спектаклей развязки,
Где слово дороже монет.

ПИР

Карло Каладзе

Бывалому певцу
И седина к лицу.
Ему в саду зеленом
Пошлю слова с поклоном.

В старинные года
Был первый тамада.
И словно воин в сечи,
Он черпал силу в речи.

Стихи повременят,
Пока вино и яд,
Сойдясь в одном кувшине,
Свой спор не завершили.

Стихи повремяют,
Пока девичий взгляд,
И длинный и певучий,
Вдруг не подарит случай.

Стихи повремяют,
Пока, себе не рад,
Как бы к чужому крову,
Бредешь к чужому слову.

Но раньше первых строк
Стихам приходит срок.
Тогда поэт при деле,
А сердцу душно в теле.

Пусть пир идет к концу,
Но повезло певцу,
Чьи не приелись речи,
Как хлеб и сыр овечий.

ЛАСТОЧКИ

В Музейном гроте мыса Калиакра,
Куда едва ли хаживает кто,
Под сводом закопченным, в гуще мрака
Двух ласточек я разглядел гнездо.

Рожденное заботою обычной
Над грозною прибойною чертой,
Оно поспорит с амфорой античной
Изяществом своим и простотой.

А с тем вином, что головы кружило,
Томило дух до Страшного суда,
Сравниться могут судьбы старожил
И новых обитателей гнезда.

Встав на крыло, они туда летели,
Где лед весной еще на дне криниц,
Где долгие студёные метели
С пути сбивают и людей, и птиц.

Но, взорами любовными согреты,
Спешили, холодам наперерез.
О них писали русские поэты,
А это поднимает до небес.

ОПОРА

Тьма во тьму давно проникла,
Словно черный мотылек,
Прежде нулевого цикла
Этот камень в землю лег.

Легкие не слышим крылья
Мотылька в кромешной мгле
И не чувствуем усилия,
Скрытые от нас в земле.

Этот камень держит своды,
Тяжесть нынешней судьбы,
Как держал в былые годы
Основной венец избы,

Храмы держит и бараки,
Нравы, быт, мою строку,
И не в тягость дни во мраке,
Точно крылья мотыльку.

В СТЕПИ

В ночной степи мышкуют совы,
И их кошачьи голоса,
И грузный трепет крыл, и зовы
Сближают степь и небеса.
Здесь виден шлях наполовину,
Как серп, что правлен оселком.
И я чуть-чуть сутулю спину,
Как бы под низким потолком.

Попутных нету и в помине,
И встречающих нет, пустынный час.
Лишь осторожный блеск полыни
Похож на блеск совиных глаз.

Они всю ночь всю степь иглою
Пронзают, видя за версту,
Но утром сытость грянет мглою,
И взор утратит остроту.

ТУШЕНИЕ ПОЖАРА

Там была контора, что ли,
Штабель просмоленных шпал,
Пламя захотело воли,
Отсвет в озеро упал.

И когда пошла охота,
Собрались и стар и мал
С ведрами, я вспомнил что-то—
Лучше б и не вспоминал.

Пламя выгнулось дугою
Наподобье колеса,
Тело жаркое, нагое
Запрокинув в небеса.

И металось пред конторой,
На холодном берегу,
Словно женщина, к которой
Возвратиться не могу.

ВДВОЕМ, В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Неразрешимого вопроса
Еще не разрешила проза,
Да и поэзия пока,
Хотя и на подъеме легка.

Так что же кружит их по свету,
Что прячет в книгу иль в кассету,
На новый лад, что их свело,
Лукавой зависти назло?

Ведь даже и в худую пору
Дела вели их круто в гору
Под улюлюканье и свист;
Их норы кроток, путь их чист.

Покуда есть хоть доля шанса,
Как Дон Кихот и Санчо Пансо,
Надежды слабое вино
Они допьют, как суждено.

И жизни испытав недуги,
Не разуверятся друг в друге—
Вдвоем, в единственном числе—
На тощей кляче, на осле.

ПАСТУХ

Когда холода одолели,
В предгорье вступили снега,
И месяц в начале недели
На землю упал, как серьга,—
Откликнулась гулко удару
Река, затаившая дух,
И вывел в долину отару
Спокойный и старый пастух.
Стоял он, спокойный и старый,
Река клекотала у ног
И двигалась рядом с отарой,
А он различить их не мог.
Висела над самой душою
Гора, поднимаясь в зенит.
Но то, что и вправду большое,
То малого не заслонит.

1953 год

Стоит в денек воскресный
Выйти в мартовский город,
Лужи с грохотом треснут,
Капля падет за ворот.

Что-то там повернулось
В часовом механизме,
Обреченность, сутулость
Исчезают у жизни.

Роща стоит нагая
И дрожит от озноба.
Прочь уходит, пугая,
Тень державного гроба.

Вместе с этими, с теми
Через город весенний
Тянутся тени, тени
Сгинувших без воскресений.

Но, придя с того свету,
Вера лет восемь кряду
С нами была, за это
Ей подсыпали яду.

Не умерла — задремала,
И возродились страхи:
В будущем места мало,
Много места на плахе.

Много места пророку
Выбрать в нашей державе
Или тропу без проку,
Или дорогу к славе.

У СКВОРЕШЕН

Наивным ловцом
Ждал встреч у скворешен,
Случайным словом
Вполне был утешен.

Недели легли
За пологом шали,
Клялись мне в любви,
Любить обещали.

Весь узел тех дней,
Что свит мимоходом,
Распутать трудней
Теперь с каждым годом.

И как в старину,
Всех женщин я встретил,
Но только одну
Держал на примете.

Из дали видней
О чем не жалею:
Я предан был ей,
Я предан был ею.

* * *

Это лучшие, лучшие дни.
Ты устала от их мельтешенья.
Что сказать мне тебе в утешенье?
Словно поезд, промчатся они.

И растает последний из них
Огоньком концевого вагона.
Ты напрасно вздохнешь облегченно:
Вот и жизнь в тишине возле книг.

Только гул потрясенной земли,
Только ветер на виадуке,
Только горечь недалей разлуки,
Только мертвый изгиб колеи.

ВЕРНОСТЬ

На Север нету хода
Для перелетных птиц —
Сплошная непогода
Без края и границ.
Но жизнь сильнее страха.
Всю вечность напролет
От взмаха и до взмаха
Быстрее птичий лет.

И под наклонной крышей
Грохочущих небес
Гребут все выше, выше,
Грозе наперерез.

Свой строй содержат строго,
В разрывах туч скользя.
Их родина — дорога,
Ей изменить нельзя.

МУЗЫКАНТЫ-ЛЮБИТЕЛИ

Все закончились семестры,
Опустели города,
Все разъехались оркестры,
Неизвестно кто куда.

Вновь не соберутся звуки,
Что однажды нас спасли
От скобарства и от скуки,
Как на крыльях, вознесли.

Так высоко, что молитвы
Там робеют высоты,
И зачетки, и пюпитры,
Словно небеса, пусты.

Так высоко, что возврата
Нет, и не вернется звук,
Чисто, честно, небогато —
Так что другу виден друг.

Не сыграть уже повторно,
И туда дороги нет.
Где льет золото валторна,
Сыплет серебро кларнет.

ПАВЕЛ I

Не в тишине дворцовых спален
Копился заговора мед,
И все предусмотревший Пален
В конце концов не все поймет.

Трудны в России перемены,
И возле трона теснота,
Сходящему навек со сцены
Тесны бывают ворота.

Как часто после дня смурного
Тиран один шел по дворцу,
И, словно разума иного,
Скользили тени по лицу.

Он примечал, что не заметил,
Что в жизни есть еще мотив —
Ему внимая, был он светел,
Отходчив в гнев, незлобив.

И в этот час, ему казалось,
Как бы отодвигалась тьма,
Его перо бумаг касалось
С державной силою ума.

Но часа просветленья мало.
В час просветленья стал он мертв.
И смирно летопись внимала
Тому, что изрекал рапорт.

НЕСТОР

Я думаю о той могучей вере,
Что держит дух свободным и в пещере.
Витийству Византии вопреки,
Здесь силу кормит скудость — не избыток,
И Нестор прочно ставит слово в свиток
Движением чуть дрогнувшей руки.

Перо писца порой скользит, как по льду,
Но вслед спешит Олегу и Аскольду,
Далекому походу на Царьград.
Княжений на Руси едва ль десяток,
А путь ее далек, хоть свиток краток,
Путь к нам ведет, как летописца взгляд.

Не изменил идеям Мономаха
И княжки распри осуждал без страха,
И строил Повесть¹, как во храме свод.
Всю жизнь берет от этой жизни проза,
Одним — опора, а другим — угроза,
И правде смерть, когда наоборот.

ПОЭЗИЯ

Ты отыщешь меня в самолете
Над холмами российских равнин,
Как забытую запись в блокноте
О знакомце, что хмур и раним.

И капризной душе на потребу,
Понимая, что я облучен,
Перестанешь вдруг шарить по небу
Взглядом острым, как будто мечом.

¹ «Повесть временных лет».

Но твоя окаянная сила
С окоемом сводить окоем
Беспоощадна — так сводит могила
Человека и землю вдвоем.

Ты грешна и в темнице от боли
Долгой цепью бряцаешь измен.
Ты невинна, за миг своей воли
Только жизнь принимаешь взамен.

ПАССАЖИРЫ

Резвится дымок над трубою,
Как серый над веточкой дрозд,
И волны вбегают гурьбою
Вослед пароходу под мост.

На пристани тихо сегодня,
Но брошен причальный конец —
И вот кто-то сходит по сходням
И, значит, поездке конец.

С ним жили, друг друга не зная,
Теперь не узнать никогда,
Меж нами степная, лесная,
Спешащая к морю вода.

И берег с обрывистой кручей,
Где дикий боярышник цвёл,
И годы, и даже тот случай,
Который нас все-таки свёл.

МАМИНЫ ПЕСНИ

Позабыл, что мама пела,
Молодая, до войны,
Голосок звучал несмело,
Полный чистой тишины.

Может, песню про изгоя,
Что чужой звездой храним?
И, меня моложе вдвое,
Мама плакала над ним.
Может, песню про дивчину
Со счастливою судьбой?
Мама видела причину
Сравнивать ее с собой.

Может... Но когда свалила
Многих смерть,— им нет числа,—
Рвы копала, сталь сверлила,
Жала рожь и нас спасла.

Не страшась любого дела,
Справилась с бедой, с тоской.
Только больше уж не пела,
Силы не было такой.

ГРУЗИНСКИЙ ТОСТ

Морису Поцхишвили

Не во имя пошлой мести,
Утешенья дураков,
Будь достоин этой чести —
Быть врагом своих врагов.
Благородства верный воин,
Победишь в конце концов.
Будь спокоен и достоин
Поношенья подлецов.
Ты полюбишь и разлюбишь.
Потеряешь и найдешь.
Воскресишь себя, погубишь —
Но не путай с правдой ложь!
Избегай хвалы и лести.
Сердце возвышай и речь.

Будь достоин этой чести —
Чью-нибудь любовь беречь.
Силой не хвалься мужскою,
Этой силы не жалея.
В поле, в битве, над строкою
Пот пролей и кровь пролей.
Счастлив, кто с друзьями вместе.
Много их, хоть мало их.
Будь достоин этой чести —
Другом быть друзей своих.

ИМЕРЕТИНСКОЕ ПЕСНОПЕНИЕ

Когда сошел я нехотя в подвалы,
Имеретинской песни запевалы
Старинный факел смоляной зажгли —
И свет воспрянул из глубин земли.

Там голоса все забирали выше.
И эхо, на манер летучей мыши,
Не в силах толщу камня превозмочь,
Не спит, дрожа, под сводами всю ночь.

Слов песенных простая вереница
Шла и прошла, и вдруг я вспомнил лица
Всех, кто мне дорог, всех, кто мне помог,
И прямо к горлу подкатил комок.

Не зря ведь в каждой из янтарных капель
Живет огонь, горит старинный факел
Родства, и душу мучает недуг
Раскаянья, и драгоценен друг.

Покуда песня распрямляет спины,
Опустевают легкие кувшины.
И вот уже стакан передо мной
Заполнен благодатной тишиной.

Ступая прямо в ночь из подземелья,
Пойму, оно не глубже, чем похмелье.
Зато я вспомнил, что забыл давно,
И свет во мне, хотя вокруг темно.

ПРОЩАНИЕ

Ах, красное вино давно стоит в стакане
И в предзакатный час играет, как рубин.
Обнимемся, пока мерцают тускло грани,
Вмещая свет высот, что смог достичь глубин.

Ах, белое вино давно стоит в стакане,
Как небо среди звезд, как среди гор вода.
Обнимемся — и в путь. Неведомо заране,
Придем ли вновь сюда и встретимся когда.

Ах, жестко спать мечте, хотя и мягко стелем —
Знать, тяжесть наших лет ей непосильный груз.
Но с Грузией навек мы связаны не хмелем,
А чем жива душа — и нету крепче уз.

Ах, если бы идти всегда туда, где звали,
Наверно бы Харон закрыл свой перевоз.
О чем, смеясь, поешь, веселый генацвале?
Зачем ты так поешь, что не стыдимся слез?

МАСКА НАПОЛЕОНА

Посмертная маска императора — одна из трех — хранится в Зугдиди; ее привез сын маршала Мюрата, женившийся на дочери последнего правителя Мингрелии — Давида Дадияни.

Проедет на арбе вина в хурджине кварта,
Промчит ракетовоз, гром бросит с высоты,
И вздрогнет старый гипс, и маска Бонапарта
На миг, но повторит предсмертные черты.

Она белым-бела, как те снега, в которых
И гений не качнет Фортуны колеса,
Где выгорел дотла надменной спеси порох,
Навек легли полки, иссякли голоса.

Но в свой последний миг он видел, как ни странно,
Лишь белые снега, хоть океан был желт,
И волны хмуро шли, как верная охрана —
Не та, что бережет, а та, что стережет.

Постиг он власти хворь, капризы жен и славы,
Он знал уже свой час, жалея до конца,
Что океан вокруг, а не снега державы,
Где снег сведет навек испарину с лица.

НА ВОЛХОНКЕ

Выставка Москва — Париж.
Живопись, архитектура,
Театр, и книги, и скульптура.
Ощущенье, что паришь.

Мимо сказочной стены,
Там, где Репин с Ренуаром,
Пикассо и Бакст недаром
Близостью своей сильны.

Непохожи, но родня.
Страсть познания и творенья
Льет строку стихотворенья,
Искру мечет из кремня.

Что искусство? Наш двойник.
Души не послушны плоти —
Каждый вдруг себя в полете
Ощутил в короткий миг.

И увидел я в окно,
Как стоишь ты на Волхонке,
В шарфик кутаешься тонкий,
Мерзнешь, ждешь меня давно.

СИНИЦА

Памяти мамы

Теперь я уже на Подоле,
Где бедная дремлет больница,
И может быть, в горькой недоле
Меня понимает синица.

Она прилетала к окошку,
Как надо, семь раз на неделе,
И прежде чем взять себе крошку,
Садилась у края постели.

И клюв вороненый острила,
И гладила перья опрятно,
И, зыркнув на дверь и перила,
Стремглав уносила обратно.

Но делались легче, казалось,
Страдания брэнного тела.
Душа, что меня дожидалась,
Однажды ей вслед полетела.

ТАПЁР

На любимые озера
Нынче летом похожу,
Может статься, на тапера
Я немного похожу.

Отыщу на этот случай
Подходящий инструмент,
Верный навыку созвучий
В ритме старых кинолент.

И пока тропа сырая
Вьется змейкой поутру,
Что-нибудь себе сыграю,
Что-нибудь да подберу.

Знаю хорошо заране
Поле, стог, у речки вяз,
Что пройдут, как на экране,
Удивят, как в первый раз.

Русские таят пейзажи
Драматический сюжет,
Там стоят они на страже,
Где сошлись и тьма, и свет.

В них усталость и отрада
В битвах сдюживших солдат...
Только бы сыграть, как надо,
Только бы звучать им в лад.

ВОДОЛАЗ

Александру Лаврину

Скажи, угрюмый водолаз,
Когда ты для почину
Ушел в пучину в первый раз,
Ты полюбил пучину?

Ответь, не тяжко ль во второй
Нырнуть в густые воды
И быть придавленным горой,
Держащей теплоходы?

Поведай, как ступил на дно
Еще раз, скажем, третий
И понял, что попал давно
Привычке прямо в сети,

Что краб, сверкнувший, как слюда,
Морской травы нирвана
Тебя уже влекут сюда,
Как будто наркомана.

И ноша тела тяжела,
И соль земного пота —
Как тяжек птице груз крыла,
Покуда нет полета.

ЗЕРКАЛА

Всегда сторонился зеркал.
А может быть, мне на беду,
Всё, что я напрасно искал,
Лежит там на самом виду.

Ревнивый летит холодок
С полей вертикальных озер,
Но я в те поля не ходок,
Хоть взгляд не померк и остер.

Страшится он той глубины,
Где мимо себя не пройдешь,
Где наши часы сочтены,
И воду бьет мелкая дрожь.

За гранью стекла — мой двойник,
И друг против друга стоим
Мы в мире бессмертном лишь миг,
Но тесно нам в мире двоим.

СМОКОВНИЦА

Смоковница несет издалека
Свой нежный свежий плод тебе в ладони,
И ветка пролетела сквозь века,
Пока взошла на нашем небосклоне.

Здесь, на скрещенье тысячи дорог,
Она замрет у чистого колодца,
Примчит к ней по-щенячьи ветерок,
Обнюхает, и пыльный хвост взметнется.

У прошлого с грядущим свой союз,
Он прочен, как небесных звезд порядок:
За тыщу лет не изменился вкус —
Плод сочен, и таинственен, и сладок.

И молод! Словно не пришел черед
Увять и сладкого вкусить забвенья.
Но живы мы, и время не берет
То, что влечет наш вкус, и слух, и зренье!

Пока не исчерпался интерес,
Не старятся картины и сюиты,
Сады и замки, книги, свет небес —
Бессмертные от смертных ждут защиты.

ТРОФЕЙНОЕ КИНО

Мне вспомнился трофейный фильм —
Задохлику с последней парты,—
Как будто через сильный фильтр
Его процеживались кадры.

Там жизнь сверкала серебром,
Заканчивалась миром ссора,
Там зло не спорило с добром,
Герои обручались скоро.

Там столько музыки лилось,
Ручей в горах летел с обрыва,
Там что мечталось — то сбылось,
И это было так красиво.

Но многого не понимал
Я, знавший голод и бомбежки.
Эффектный, сладостный финал
Казался счастьем понарошке.

В домах не молкнул вдовий крик,
На переплав свозились «тигры».
И фильм смотрел я, как старик
На детские взирает игры.

МУЗЫКА В КИНОТЕАТРЕ

Валерию Кузнецову

За полчаса до сеанса
Взгрустну, забудусь всласть,
Когда в концерте Брамса
Звучит вторая часть.

И весел, и невесел,
Все зная наперед,
В пластмассе модных кресел
Замрет вокруг народ.

Зачем играют скрипки,
Поет виолончель,
И взгляд блуждает зыбкий
За тридевять земель?

Зачем не всё сказали
И разум и добро?..
Но луч в соседнем зале
Рассыпал серебро.

Лишь память о концерте
Не меркла всё кино —
Так, может быть, и в смерти
Жизнь вспоминать дано.

ВОРОБЬИ

Про строки скромные мои
Расскажет орнитолог.
Они живут, как воробьи,
Их век не очень долгод.

Войны холодная зола
Окрасила перо их.
Они сражались против зла,
Хоть ходят не в героях.

У них всегда опасен путь.
И вовсе не зазорно
Схватить больших событий суть,
Как маковые зерна.

Метель зимою бьет плетью,
Худая осень — градом,
Но все ж они с людьми, с людьми
И в зной, и в стужу — рядом.

И пусть веселый жизни труд
Воздаст им честь по чести —
Мне стыдно будет, коль умрут
Они со мною вместе.

ПУСТЫНЯ

Здесь раздолье суховею,
Коршун раньше ночи сыт
И над тенью над своею
Неподвижною стоит.

Тихо как! Бывает тише
Лишь морозною зимой.
Контур серых крыльев вышит
Золоченою каймой.

Почва душным пышет жаром,
Словно печь, раскалена.
Речка легким стала паром,
Русло бросила она.

Каждый шаг навстречу зною
Длится и часы, и дни.
И змея ползет за мною,
Чтобы жить в моей тени.

* * *

Наташе

Течет глубокая река,
Как в детстве сон, когда все живы.
А жизнь, как прежде, коротка,
Ее извивы прихотливы.

Течет река, и все ясней
В ней черное и голубое,
Все неразлучнее я с ней,
Но и с тобою, и с тобою...

СОДЕРЖАНИЕ

«Я уже не верю, нет...»	3
Сандали	3
Снег в Клину	4
Баллада о лодке на берегу	5
Читая историю завода	6
Тува	7
Вольные странствия. 1946	8
Проходной двор	8
Разведчик	9
Песня	10
Ярмарка	11
Пир	11
Ласточки	12
Опора	13
В степи	13
Тушение пожара	14
Вдвоем, в единственном числе	14
Пастух	15
1953 год	15
У скворешен	16
«Это лучшие, лучшие дни...»	17
Верность	17
Музыканты-любители	17
Павел I	18
Нестор	19
Поэзия	19
Пассажиры	20
Мамины песни	20
Грузинский тост	21
Имеретинское песнопение	22
Прощание	23
Маска Наполеона	23
На Волхонке	24
Синица	25
Тапер	25
Водолаз	26
Зеркала	27
Смоковница	27
Трофейное кино	28
Музыка в кинотеатре	29
Воробьи	29
Пустыня	30
«Течет глубокая река...»	30

ЗЛОТНИКОВ Натан Маркович

ВОЛЬНЫЕ СТРАНСТВИЯ

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 20.01.89. Подписано к печати 10.03.89.
А 04408. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура
«Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл.
кр.-отт. 1,58. Учетно-изд. л. 1,41. Тираж 150 000 экз.
Зак. № 137. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

БОЛЬШОЙ ПАКЕТ ДОГОВОРОВ

предлагает госстрах для защиты различных видов имущества. Заключив договоры добровольного страхования, вы получите возмещение в случае уничтожения или повреждения имущества в результате стихийных бедствий и несчастных случаев.

На страхование принимаются:

- строения, принадлежащие гражданам на праве личной собственности. Добровольное страхование строений проводится дополнительно к их обязательному страхованию;

- домашнее имущество (предметы домашней обстановки, обихода и потребления). Имущество, находящееся на даче или в летнем садовом домике, может быть застраховано по отдельному договору. Изделия из драгоценных металлов, драгоценных, полудрагоценных и поделочных (цветных) камней, коллекции, уникальные и антикварные предметы — по специальному договору;

- строения и домашнее имущество — по единому договору (комплексное страхование);

- строительные материалы, находящиеся на земельных участках, выделенных гражданам для индивидуального жилищного строительства или под коллективное садоводство;

- крупный рогатый скот (в возрасте от 6 месяцев), лошади и верблюды (в возрасте от 1 года) дополнительно к их обязательному страхованию.

- Ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно в районной (городской) инспекции госстраха, а также у страхового агента по месту жительства или работы.

**Правление государственного
страхования СССР.**